

**Анатолий
Жилкин**

**БЕДА, КОГДА В ПОЛЕ
ЛЕБЕДА**

Москва
2015

УДК 821.161.1.

ББК 84 (2Рос=Рус)

Ж 72

Жилкин А.

Ж 72 Беда, когда в поле лебеда / Анатолий Жилкин. – М.:

Книга по Требованию, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-519-24318-6

Непростой путь выбрал в своём творчестве сибиряк Анатолий Жилкин. Он пишет прозу, которая одинаково понятна и жителю далёкой российской глубинки, и избалованному достижениями научно технической революции горожанину. Герои повестей и рассказов у Анатолия Жилкина – это в первую очередь люди с норовом, богатым житейским опытом, не затерявшиеся в трудные времена на огромных территориях СССР. Вторая книга писателя – это продолжение вечного спора с самим собой: со своей совестью, своими взглядами на сегодняшний миропорядок.

Повести «Кулаки», «Учитель», «Встреча с атаманом» и многочисленные рассказы, такие как, – «Виноградная лоза», «Родная кровь», «Белла» – это рассказы о сибирских жителях. Попытка свежим, а где-то и диалектным языком передать самые чистые и свежие помыслы нескольких поколений своим детям и внукам. Напомнить своим сверстникам, что всё ещё не так худо с русской душой, с русским человеком, его малой родиной и его дорогим отечеством – Россией.

УДК 821.161.1.

ББК 84 (2Рос=Рус)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© А. Жилкин, 2015

ISBN 978-5-519-24318-6

© Книга по Требованию, 2015

Оглавление

Кулаки	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Встреча с атаманом	33
Часть первая	33
Часть вторая	40
Часть третья	45
Эпилог	47
Солдаты	49
Дядя Стёпа	53
Виноградная лоза	60
Париж	76
Хороший человек	82
Валерка и Лир	88
Белла	92
Фома и зайцы	102
Химия	107
Не укради	113
Боцман	120
Клиф	124
Эпилог	129
Собачье сердце	130

Сибирские нескладушки	134
Смех и грех	134
На рыбалке	143
Божьи твари	149
Учитель	157
Глава 1. Утро	157
Глава 2. Детство	160
Глава 3. Анютка	163
Глава 4. Встреча	166
Глава 5. Веня	168
Глава 6. Галатея	174
Глава 7. Сборы	178
Глава 8. Я вернусь	182
Глава 9. Судьба	187
Глава 10. Роксана	189
Глава 11. Одесса	196
Эпилог	199
Миниатюры, эссе, новеллы.	202
Мы помним тебя, Адмирал	202
Жара	203
Родная кровь	206
Маргарита	209
Мастер	211
Золотая рыбка	212
Каштан над городом цветёт.	213

Кулаки

Глава 1

Светало... На седалах завошкался петух – сиплым, слипшимся за ночь голосом, кое-как вытолкнул потешное «ку-ка-ре-кху-кху». Поперхнулся... еле откашлялся и совсем уж невпопад закудахтал. Чертыхнулся и, наконец, проснулся окончательно.

Разом перетряс свой пёстрый камзол – от крутого хвоста до бордовой бороды – откинул назад высокий, чуть скошенный на сторону гребень, местами пробитый острыми «кинжалами» соперников, расправил иссиня-чёрные крылья, крепко упёрся в жерди «железными» лапами в грозных шпорах, захватил побольше воздуха в свои «кузнечные меха», подался вперёд и запел! Да так оглушительно громко, что зазевавшаяся спросонья нечисть, матюгнувшись с перепугу, проворно шмыгнула по тёмным углам и щелям, уютно устраиваясь в банях, амбарах, конюшнях, погребцах, чтобы спокойно переждать человеческую суету под названием жизнь.

«Ну, держись! Да чтоб тебе провалиться в тартарары, змей окаянный! И не порвёт ведь ирода от такого рёва. Прибила бы, будь он какой другой... Наш-то на загляденье. Орёл – не петух! Пользуется своей исключительностью, в упор никого не замечает. Живёт как Бог велел», — ворчала с замиранием сердца Танюшка.

Она зажмурила и без того плотно прикрытые веки, вдавила голову одним ухом в матрац, другое плотно запечатала подушкой.

«Как же хочется спать! — хныкала бедная девчушка, из последних сил цепляясь за ускользающий сон. — Самой бы рот не

растянуть. Тоже мне – придумала обниматься до утра», — хмыкала она сквозь зевоту и грозила кому-то кулачком, утирая выступившие слёзы.

«Смотри мне – закружит голову, закружит и обманет», — наставляла саму себя Танюшка, улыбаясь сквозь зевоту и сильней прижимая к голове подушку.

И тут изба дрогнула от громогласного «ку-ка-ре-ку». «Ай, паразит! Да где ж в тебя столько грохоту вмещается? Ну всё, пора вставать». Танюшка привычно перекрестилась на образа, потом на окошко и с силой выгнулась гибким телом, вспомнив неугомонные Федькины руки. Накинула мамин платок и шагнула за порог.

Будто подглядев, как тяжело просыпается старшенькая, на встречу ей выдохнула тёплое и густое приветствие — «муууууу» — любимица семьи корова Манька.

«Вот уж чудо из чудес, а не корова. Вдвоём с сестрёнкой выдаиваем. Одной не осилить. По два подойника наливает бурёнушка наша дорогая».

В далёком 29-м, со слов Татьяны Даниловны (моей соседки по даче), приключилась эта история...

«Пожалели семью», когда пришли раскулачивать местные активисты под предводительством свирепого военного. Двух коров дойных угнали, бычка годовалого, поросят, овец с десятка, гусей, уток, курей, все припасы выгребли подчистую. Вот и всё богатство, какое скопил за десяток лет непосильной работы «кулак» Данила – наш тятя.

Тёлочку оставили. Больно она плюгавенькой показалась. Никакого доверия не внушала – ни новой власти, ни старой. Махнули на неё рукой как на неблагонадежную.

Мы её Маней окрестили. Молились всей семьёй за здоровье нашей Мани. И вот ведь чудо – вымолили для неё двойную силушку. Прятали потом как только могли. На заимке от волков сторожили, а больше-то от людей лихих укрывали. Бывало, за пять вёрст за молочком бегали. По темноте уходили, по темноте

возвращались. Без Мани бы сгнули. Господь уберёт нашу Маню и нас рядом с ней.

А военный, кривя мокрые губы с налипшей от семечек шелухой, «великодушно» издевался, обращаясь к маме: «Пользуйся, хозяйка, моей добротой. Советская власть тебе шанс даёт исправиться и сопляков своих перекроить на нашу рабоче-крестьянскую колодку». И весело ржал, тыча нагайкой то в братишек, то в маму, то в папу, то в гусака, отважно атакующего незваных гостей. При этом смачно прихлопывал плетёной рукояткой нагайки по голенищу хромового сапога, весь обвешанный патронами, с деревянной кобурой на боку. Потом похозяйски прошёлся по двору, поскрипывая новенькими ремнями, крест-накрест через грудь и спину, кожаной курткой, галифе и офицерскими сапогами. Швырнул под ноги надоевшие семечки и толкнул отца в спину: «Двигай, контра! Засиделся под юбкой у своей бабы. Ишь, сколь наклепал разномастных пособников, пока мы власть у душегубов отбирали да народу раздавали её родимую с добром вашим вонючим».

Отца арестовали и увели со двора – заперли в колхозном амбаре вместе с десятком таких же «горе-кулаков». А вечером к маме заглянул наш сосед, дядя Ефим, и строго-настрого наказал: «Утром, Любаня, запишись в колхоз. Обязательно запишись! Бог даст, смиростивятся супостаты – отпустят Данилу».

Мама всю ночь глаз не сомкнула, и мы рядом с ней – за подол цеплялись, слезами обливались. Осиротели в одночасье. Страшно! Восемь ребятишек, мал мала меньше...

Мамочка спозаранку бегом в контору, заявление перед военным положила и взмолилась: «Записывай в колхоз, мил человек, только мужа домой верни! Не бери грех на душу! Не обрекай на погибель деток малых!»

Военный сидел на лавке под портретом товарища Ленина. Было заметно, что товарищу Ленину не по себе от такой компании. Он брезгливо косился на стол, заваленный объедками, окурками, грязной посудой и заляпанными бумагами. Ильич отвернулся к окну и с интересом наблюдал, как от розовой полоски загорается горизонт. Через мгновение полнеба полыхало

оранжевым, а зависший над сопкой шар продолжал раскаляться, готовый в любую секунду лопнуть и залить всё вокруг огненной лавой.

Возможно, в эту минуту вождь трудового пролетариата мечтал о мировой революции, о равенстве и братстве народов на всех континентах. Он любовался восходящим солнцем и представлял, как искры революционного пожара разнесутся по самым отдалённым уголкам планеты. Нет, он не осуждал военного – он понимал: революция делается не в белых перчатках. Он понимал и то, что невозможно будет избежать невинных жертв. На такое замахнуться! Революция – она и есть революция...

Нательная рубаха скособочилась, оголив сухое веснушчатое плечо военного. Редкие брови у переносицы собрали лоб в гармошку, мутные глаза под горбатым лбом отказывались ворочаться. Мужчина мучился с похмелья.

Плывать ему было на людишек, на их проблемы, плевать на буржуев и на подразвёрстку, плевать на мировую революцию и... на мамино горе в том числе. Ему бы в самый раз сейчас опохмелиться, а уж потом можно и за мировую революцию печалиться.

В голове потрескивало и сверкало, что-то тяжёлое и липкое перекатывалось в животе, роняя тело из стороны в сторону. То к засиженному мухами окошку, то от окошка к остывшей печке, то снова к окошку.

«Бррррррыы...» — рычал военный, пугая мышей в подполье и тараканов у печи.

Мама сразу сообразила, в чём дело, и что есть духу помчалась к соседке. Через пять минут штоф с мутным самогоном красовался на столе, а рядом скомканное мамино заявление...

Вечером папа пришёл домой. Отпустили, слава Богу! Лошадок забрали. Верного Воронка и кобылу Зорьку с жеребёнком. Брат Серёжка назвал жеребёнка Барашком. Предупредил: «Это имя подростковое. Посмотрим, каким он вырастет скакуном. Глядишь, нагуляет силушки к осени – мы его Воронком наречём – по наследству».

Резвый жеребчик рос, весёлый. Правда, в колхозе через две недели помер. Конюх проглядел с перепоя и загнал малыша к быкам. Затоптали быки нашего Барашка, насмерть затоптали.

Да какой Фомка конюх? Лодырь он по жизни, кляузник и пьяница, каких свет не видывал. В огороде у него лебеда да крапива. В избе шаром покати – мыши и те разбежались кто куда. Таких, как он, ты хоть в социализм отправь, а хоть и в коммунизме пристрой – они всё одно спасибо не скажут. Пропьют завоевания народные – пропьют и не подавятся. А чего греха таить – и пропили...

75 лет минуло с тех пор, а я так и не научилась забывать – кулака от лодыря с первого взгляда отличу. Где они, наши кулаки, с кровавыми мозолями на руках? На полях полынь да лебеда, в деревнях разруха да пьянство, прости меня Господи.

Устал народ нищете сопротивляться, от несправедливости устал, безнадёга доконала. Не о помощи речь. Ему бы, народу нашему, не мешали на земле хозяйничать, он давно бы в «кулаках» ходил и горя на чужой стороне не мыкал. А тут что получается? Сначала деревню в колхозы согнали – всё общим провозгласили. Потом разорили те колхозы, а людей снова по миру пустили. Деревню от земли отвадили, народ запутали и сами запутались.

Спихнулись, да поздно. Где его взять, частника этого? Хозяина из кого выбирать? Из-за пазухи не вынешь – не получится. Постарались – извели под корень, на развод не оставили.

Без крестьянской закваски хозяина на земле не вырастишь. Надо, чтоб закваски деревенской до макушки было и никак не меньше. А таких раз-два и обчёлся – днём с огнём, как говорится...

Спросите: откуда в деревне «кулак» взялся (крепкий хозяин по нынешним понятиям)?

Отвечу: в борозде такие трудяги засыпали во время страды. Кулак под голову (отсюда и «кулак») и без задних ног, как говорится. Вот как на земле работали. Расставаться с ней на ночь боялись. Любили кормилицу, родимую, до без сознания. И земляца

с благодарностью отвечала. С любовью надо, как мы когда-то (кулак под голову) и на полшага в борозде без задних ног. Не каждый на такое способен. Единицы...»

Татьяна Даниловна поднялась со скамейки и не спеша направилась к своей калитке. В свои 85 она выглядела на 65! На дачном участке у неё ни травинки. Зато помидоры, огурцы, цветы, ягода-малина, смородина, жимолость и прочая полезная и так необходимая для сибиряков зелень тяжёлой спелостью ветки обламывает, из земли крутыми боками выпирает.

Мастерица-огородница наша Татьяна Даниловна. Из кулаков! Из тех, которых сегодня днём с огнём...

Глава 2

Вечером мы снова встретились в беседке над рекой. Татьяна Даниловна, довольная от выполненной за день работы, уставшая, добродушная, незаметно заговорила о войне. Начала вспоминать, рассказывать, рассказывать...

«Война нас сплотила, как это бывало не раз. Мы в горе да против врага ненавистного завсегда всем миром встаём. И в тот раз не замешкались, выступили все как один.

Кто-то ходить заново учился – с колен да во весь рост распрямился. Другой – из-под расстрела – от своей пули да под фашистскую угодил...

В обмотках, полураздетые, измученные страхами, затюканные доносами, арестами – наши отцы встали на защиту своей Родины.

Простые, знаменитые, неизвестные, заслуженные... позабытые, те из нас, которых среди живых и встретить не надеялись – в едином порыве – за Родину! Вот что сплотило и спасло наших отцов в тот раз – оружие! Возможность защищать и защищаться! Наши отцы стали воинами, войском, армией.

И неважно, кем мы были вчера. Мы менялись, становились другими. Мы смотрели в глаза и не отворачивались. Мы узнава-